

Проблемы изучения звуковых ландшафтов

Матасов В.М.

(Институт Наследия)

Философская основа акустической экологии проста: ее автор - R. Murray Schafer, музыкант, композитор и профессор канадского университета Simona Fraser – предположил, что мы слышим акустическую окружающую среду как музыкальную композицию и несем ответственность за эту композицию. Как и многие идеи, выросшие в конце 1960-х, глубокая мысль Schafer'a сейчас спрятана за часто цитируемую фразу – шумовое загрязнение (noise pollution). Первым шагом Шефера стало замечание о невероятном преобладании визуальной информации в обществе – «культура глаза», как это явление часто обозначалось во многих работах – и указание на то, что умение детей слушать стремительно падает. В ответ на эту проблему, Шефером было предложено развивать набор упражнений «по прочистке ушей» (“ear cleaning”), включающий «звуковые прогулки» («soundwalk») – прогулочные маршруты, основной целью которых ставится осознание звуковой среды (Schafer 1967 and 1969).

В конце 70-х гг. Шефер с коллегами по университету организовали World Soundscape Project (WSP). Первой полевой исследовательской работой стал «звуковой ландшафт» Ванкувера. Изучение включало в себя измерения уровней шума и построение карты изобел, сбор звукозаписей и описание различных звуковых явлений. Позже работы WSP в Европе повлекли за собой публикацию *Five Village Soundscapes* (Schafer, 1978b) and *European Sound Diary* (Schafer, 1977b). А книга Шефера *The Tuning of the World* (1977a), известна как наиболее всестороннее отражение акустической экологии.

Сегодня интерес к акустической экологии растет благодаря работе World Forum for Acoustic Ecology (WFAE), который был основан в августе 1993 года на международной конференции по акустической экологии в Канаде. Сейчас в него входят некоторые страны Европы, Япония, Австралия, Канада и США. С 2000 года стал выходить в свет журнал, посвященный акустической экологии – *Soundscape*.

При этом проблем изучения акустической среды по-прежнему много.

В первую очередь – междисциплинарность. Изучение звуковых ландшафтов связано с акустикой, лингвистикой, архитектурой, экологией, медициной, этнологией, дизайном, гуманитарной географией, психологией, педагогикой, философией, законодательством, ландшафтным планированием и многим другим. В связи с этим необходимо взаимодействие между различными специалистами, однако многие исследовательские коллективы не всегда оказываются к этому готовы. Выход на законодательный уровень часто затруднен и т.д.

Следующей проблемой является определение объекта исследований и терминологии, особенно ярко это заметно у нас в стране, где акустическая экология совсем недавно «появилась на свет». Возникают трудности перевода термина «*Soundscape*». Это может быть акустическая среда, звуковой ландшафт, звуковое пространство, звук ландшафта, звуковой пейзаж и т.п. В процессе исследований произойдет «выкристаллизация» нужного термина. Мне же представляется наиболее подходящим на данный момент термин «звуковой ландшафт». В любом случае важно различать акустическую среду в целом и звуковой ландшафт, как ее целостную единицу.

В книге *The Tuning of the World* формализована терминология, введенная Шефером в процессе полевых исследований WSP. *Soundscape* им определяется, как пространство,

характеризующееся тремя типами звуков. Фоновые звуки он определяет как «основные тона» (“keynotes”), по аналогии с музыкой, где keynote – основная тональность произведения. Главные звуки (привлекающие внимание) названы «звуковые сигналы» (“sound signals”). Звуки, которые особенно отмечаемы сообществом или его посетителями, названы «звуковые метки» (“soundmarks”). Примеры последних в природе включают в себя гейзеры, водопады и ветреные ущелья, в то время как в обществе – это различные сигналы и звуки традиционной деятельности. Эта терминология помогает объяснить идею о том, что звук определенного места может – как местная архитектура, обычаи и одежда – выражать индивидуальность сообщества, его идентичность в рамках пространства, где поселение может быть распознано и описано по его звуковому ландшафту.

В любом случае представляется необходимым разобраться более основательно в объекте исследований. В связи с этим встает вопрос о его структуре и динамике. И вопрос сразу встает не один. Где расположены звуковые ядра, экотоны, границы? Как отличить фоновый, главный и особенный звуки? Существует ли иерархия и каковы критерии выделения единиц? Может ли изменяться ранг комплекса во времени? Каковы циклы и ритмы звуковых ландшафтов? Можно ли по звуку судить о смене состояний ландшафта?

Все эти вопросы должны решаться в конкретных полевых работах. Конечно, уже сейчас существуют общие представления о возможных ответах, однако без эмпирического материала в данных исследованиях не хотелось бы что-либо утверждать.

Следующей проблемой, несомненно, является методика описания звуковых ландшафтов. Вероятно, при описании звукового ландшафта конкретной территории в первую очередь следует выделить постоянные и периодичные звуковые комплексы, которые являются основой партитуры данного звукового ландшафта. И сразу же возникает вопрос о форме описания этих основных составляющих звукового ландшафта. Совершенно понятно, что одной из обязательных координат будет время. Понятно также, что фиксация элементов звукового ландшафта не может быть нотной записью. Главным представляется все-таки схематическое (графическое) отображение, сопровождающееся словесным описанием, а также нотными, аудио и видеозаписями. Эта схема может быть вероятностной (вероятность услышать тот или иной звук в конкретный момент), громкостной (уровень громкости каждого источника звука), спектральной и т.д.

Отдельной статьей в этой проблеме стоит картографирование звуковых ландшафтов. Карта звуков дает возможность понять, как действительное географическое пространство структурируется в акустическом отношении, какие звуки покрывают его целиком (например, колокольный звон), какие — выделяют отдельные участки более активной звуковой деятельности, какие — создают фоны, а какие — относительную тишину. Было бы неплохо фиксировать местоположение источников звука, и при известных акустических характеристиках этих источников, а также свойствах перераспределяющей звук поверхности (среде), моделировать звуковой ландшафт в каждой конкретной точке. Подобные модели для создания карт санитарно-защитных зон от шума давно используются при измерениях. Технические средства ГИС сейчас позволяют подгружать звуковые файлы, привязанные к конкретным точкам. Таким образом, получение звуковых карт вполне реально. Впрочем, эту проблему только предстоит решить.

Немаловажной проблемой также является классификация звуковых ландшафтов. В первую очередь приходит на ум выделение антропогенных и природных звуков. Однако в самом звуковом ландшафте они могут сочетаться и, вероятно, к этой проблеме следует подходить дифференцированно: в ряде случаев их нужно фиксировать в комплексе, одновременно, в других случаях — отдельно, если они выделены в реальном функционировании. Вероятно, разные формы будут у «партитур» сельских и городских ландшафтов, у партитур звуковых ландшафтов историко-культурных территорий (музеев-заповедников, национальных парков и т.п.), поскольку основные природные и антропогенные составляющие будут находиться в этих ландшафтах в разных пропорциях.

Но это все проблемы теоретического характера. Шефер сразу же стал говорить о необходимости обучать детей слушать и создавать гармоничную акустическую среду. В связи с этим выделяются еще 2 направления: образование в области акустической экологии и ландшафтно-акустический дизайн. Кроме того, возникает необходимость охраны звуковых ландшафтов как объектов нематериального наследия.